

И. Х. БАГРАМЯН

Так шли мы к победе

<Фрагменты>

<...>

Вечером 27 марта¹ С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущев и я приехали в Кремль и прошли в приемную Сталина. Ожидали мы всего несколько минут, а затем были приглашены в кабинет Верховного Главнокомандующего.

Я думал, что И. В. Сталин высок ростом, плечист и что внешность его, если можно так выразиться, соответствует тому ореолу величия, которым он был окружен в параде.

Должен сознаться, что меня удивило и немножко даже разочаровало то, что навстречу нам поднялся человек несколько ниже среднего роста, одетый очень скромно.

Вид и осанка Верховного, казалось, ничем не выделяли его среди окружающих.

В кабинете Сталина, кроме его самого и маршала Шапошникова, никого не было. После обмена приветствиями мне приказали докладывать. Развернув перед Верховным Главнокомандующим карту, я стал говорить о сложившейся на Юго-Западном направлении оперативно-стратегической обстановке и наших стратегических намерениях на лето.

Во время доклада Сталин несколько раз прерывал меня, задавая вопросы. Ответы на некоторые из них должны были, как я понял, не только помочь ему более отчетливо уяснить некоторые детали наших предложений, но и проверить, достаточно ли обоснованы наши выводы, а может быть, и то, насколько подготовлен докладчик к выполнению тех обязанностей, которые на него возложены.

Большинством же своих вопросов Верховный Главнокомандующий с большим тактом стремился, как мне показалось тогда, направить наши мысли в нужное русло и передать нам свои собственные взгляды на важнейшие вопросы тактики и оперативного искусства.

Когда при изложении доклада я коснулся вопросов боевого применения артиллерии в намечаемых нами на лето операциях, несколько неожиданно для меня последовал вопрос. Сталина:

— А какой тип артиллерийской системы является наиболее распространенным в немецко-фашистской армии?

Я ответил, что основным типом в вермахте является 105-миллиметровая гаубица.

Сталин тут же указал на необходимость учесть то важнейшее обстоятельство, что артиллерия, по существу, является стеновым хребтом каждой современной армии. Поэтому она должна быть массовой. Если немцы 105-миллиметровую гаубицу, универсальное по своему предназначению, а стало быть, и сложное по своему производству орудие, считают основной артиллерийской системой, то этим самым они лишают себя возможности массового производства артиллерийских орудий и снабжения ими в больших количествах своей армии. Ставка гитлеровцев на танковую артиллерию, стреляющую с коротких дистанций и часто с ходу, по меньшей мере ошибочна, ибо она не сможет выдержать соревнования в борьбе с массами нашей полевой и противотанковой артиллерии.

— В этом, — сказал И. В. Сталин, — гитлеровцы сильно просчитались, и за это им придется дорого расплачиваться.

В последующие годы войны мы неоднократно убеждались в глубокой справедливости этих указаний Верховного Главнокомандующего. Отсутствие достаточно сильной артиллерии в составе гитлеровской армии, как известно, стало пагубно для нее сказываться уже к осени 1941 года, то есть после того, как немецко-фашистские войска исчерпали преимущества, обусловленные внезапностью и вероломством их нападения на СССР.

Сталин разъяснил нам, как надо использовать артиллерию при прорыве оборонительной полосы врага после того, как войска, взломав тактическую оборону, проникнут в глубь расположения противника. Верховный Главнокомандующий говорил, что у нас ошибочно принято в этот период сражения всю мощь артиллерийского огня направлять только вперед, в границах полосы

наступления, и лишь отчасти привлекать свою артиллерию для огневого обеспечения флангов наступающих войск. Между тем для дальнейшего развития наступления в глубь расположения противника не менее важно расширять фронт прорыва обороны противника в стороны его флангов.

В тот памятный вечер, оставивший у меня неизгладимое впечатление, И. В. Сталин не раз по ходу доклада и в процессе его обсуждения также разъяснял нам, как наилучшим образом использовать боевые свойства пехоты, танков, авиации в предстоящих летних операциях Красной Армии.

После того, как я закончил свой сильно затянувшийся, против ожидания, доклад, началось его обсуждение.

Борис Михайлович высказал одно замечание принципиального порядка.

— Вряд ли целесообразно, — сказал он, — как предлагает Военный совет направления, предпринимать с началом летней кампании наступление в полосе действий каждого фронта. Не лучше ли сосредоточить основные усилия войск направления для нанесения мощного удара на одном главном направлении силами одного фронта или же на смежных крыльях объединенными силами двух фронтов?

С этим замечанием мы не могли согласиться. По нашему представлению, главную операцию нужно было провести на стыке двух наших основных фронтов — Юго-Западного и Южного — с целью освобождения Донбасса и Харькова. Переход же в наступление Брянского фронта на орловском направлении мы ставили в зависимость от того, будут ли с началом летней кампании войска левого крыла Западного фронта продолжать прерванное весенней распутицей свое наступление на запад.

Но тут вмешался в разговор Иосиф Виссарионович Сталин. Сохраняя, как всегда, невозмутимое спокойствие, он сказал:

— При своевременном и достаточно полном выделении Ставкой для Юго-Западного направления просимых резервов, вооружения и пополнения людьми предлагаемый Военным советом план наступления был бы приемлемым. Но вся беда заключается в том, что, к сожалению, мы сейчас в центре не располагаем резервами и другими силами и средствами для такого большого усиления Юго-Западного направления...

Затем Сталин развернул перед нами небольшую по размерам мелкомасштабную карту, на которой были схематически изо-

бражены все фронты Красной Армии, противостоявшие немецко-фашистским войскам от Баренцева до Черного моря.

Верховный сказал, что сейчас в резерве Ставки имеется всего несколько десятков стрелковых дивизий, из коих значительная часть перебрасывается по железным дорогам для усиления ряда тех фронтов, где ощущается острая необходимость в подкреплениях. Вообще, мол, трудное положение с резервами, в том числе и с накоплением людских ресурсов, вооружения и боевой техники.

— А вы только для Юго-Западного направления просите выделить свыше тридцати стрелковых дивизий, огромное количество вооружения, танков, самолетов и пополнения людьми. Сами понимаете, что мы не в состоянии удовлетворить вашу просьбу. Именно по этой причине ваше предложение не может быть принято. — Встав из-за стола и медленно прохаживаясь по кабинету, Верховный продолжал излагать свои мысли, отчеканивая каждое слово: — Мы на основании изучения данных обстановки, сложившейся на всем советско-германском фронте, пришли к выводу, что с началом летней кампании гитлеровское командование, вероятно, предпримет свою главную операцию на московском направлении, вновь попытается овладеть Москвой, чтобы создать наиболее благоприятные условия для дальнейшего продолжения войны. Это обстоятельство вынуждает нас в оставшееся до лета время основательно подготовиться для срыва намерений противника...

Сталин полагал, что в такой ситуации, поскольку Военному совету Юго-Западного направления нельзя рассчитывать на получение из центра необходимого количества сил и средств, нам следует в летнюю кампанию отказаться от широких планов наступления на юге и ограничиться только задачей овладения районом Харькова. Надо при этом, пояснял Сталин, упредить противника с переходом в наступление, застать его в стадии подготовки к активным действиям, нанести ему такое поражение, чтобы вынудить гитлеровское командование отвлечь для парирования нашего удара на Харьков часть своих сил с московского направления. Этим, считал Верховный, мы в значительной мере облегчим отражение главного удара противника на Москву.

Исходя из этих соображений, Сталин предложил нам подготовить и представить на следующий день свое предложение по овладению Харьковом.

Из Кремля я вернулся весь во власти новых впечатлений. Я понял, что во главе наших Вооруженных Сил стоит не только

выдающийся политический деятель современности, но также и хорошо подготовленный в вопросах военной теории и практики военачальник. Заснул я лишь перед рассветом.

А на следующий день не успел я утром открыть глаза, как один из адъютантов С. К. Тимошенко доложил, что меня ожидает закройщик, чтобы снять мерку. Поступило, мол, распоряжение срочно сшить для меня генеральское обмундирование. Мерка была снята, а к вечеру я получил комплект нового обмундирования и не без гордости облачился в него.

При вторичном приеме в Кремле Сталин бросил на меня одобрительный взгляд, и я понял, что это он позаботился, чтобы мой внешний вид не имел изъянов и соответствовал воинскому званию и занимаемому служебному положению.

Весь день 28 марта С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущев и я посвятили разработке общего замысла Харьковской наступательной операции. Вечером И. В. Сталин, Б. М. Шапошников и А. М. Василевский заслушали главкома. Замысел разработанной нами операции, хотя он и не выходил за рамки района Харькова, снова требовал выделения большего количества резервов, чем могла тогда дать Ставка.

Нам опять указали, что принят будет лишь такой план наступления, который, строго ограничиваясь боевыми действиями по овладению районом Харькова, не требовал бы для своего осуществления выделения Ставкой крупных резервов.

Сталин тут же предупредил, что Брянский фронт не будет в дальнейшем входить в состав Юго-Западного направления.

В этот вечер И. В. Сталин пригласил на ужин Б. М. Шапошникова, А. М. Василевского, С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущева и меня. На ужине была также группа генералов из управления Южного фронта во главе с генерал-лейтенантом А. Д. Штевневым, находившаяся в это время в Москве по служебным делам.

Во время ужина Сталин очень искусно создавал непринужденную, товарищескую обстановку. Его вниманием не был обойден ни один из сидящих за столом, каждому он сумел сказать что-либо существенное и приятное либо в форме краткого тоста, либо остроумной реплики. Тосты произносились, главным образом, в честь сражавшихся войск. Сталин при этом показывал свое умение слушать других, тонко вызывая присутствующих на откровенный обмен мнениями, в ходе которого выяснились взгляды военачальников на развитие боевых событий, их оценки слабых и сильных сторон немецко-фашистских войск и их командования.

Сталин был верен своей привычке: мало сидел, почти все время двигался вдоль стола, не расставаясь со своей трубкой. Он завязывал живые беседы то с одним, то с другим из присутствующих, охотно и подробно отвечал на заданные ему вопросы, вместе с тем все это время не только был в курсе общей беседы, но и умело руководил ею.

Так, он с помощью фактов и цифр ярко охарактеризовал героические усилия партии и рабочего класса, благодаря которым в основном был закончен перевод промышленности на военные рельсы, наложен выпуск продукции, необходимой для фронта, на предприятиях, эвакуированных в восточные районы страны. Заводы и фабрики, возрожденные к жизни в тяжелейших условиях, подчеркнул Верховный Главнокомандующий, щедро снабжают войска разнообразной боевой техникой, оружием, боеприпасами, обмундированием и снаряжением. Началось массовое производство истребителей Ла-5, Як-7. Обеспечение армии соответствующей техникой в большем чем когда-либо раньше количестве позволило создать понтонно-мостовые и инженерные части. Произошли серьезные качественные изменения в артиллерии: подверглась модернизации 45-мм противотанковая пушка, появились 76-мм пушки ЗИС-3. Кроме уже существовавших реактивных установок М-8 и М-13 скоро поступят в войска еще более мощные М-20 и М-30, то есть начнется создание тяжелой реактивной артиллерии. В войсках появились противотанковые ружья. Части ПВО получили зенитные орудия калибра 37 мм и пулеметы ДШК. Созданы новые армейские полки ПВО, а также противотанковые шестибатарейные артиллерийские полки РВГК, десятки отдельных батальонов ПТР, истребительно-противотанковые части и соединения, гвардейские минометные полки.

Далее Сталин сообщил о том, что на фронт в большом количестве стали поступать легкие танки Т-60. С особой гордостью он отметил также, что резко увеличилось производство танков Т-34, которые являются грозой для немецких войск. Верховный сказал, что при формировании танковых войск Ставка стремится проявлять гибкость в организационных формах: создаются отдельные танковые батальоны, полки и бригады, а наряду с этим в самое последнее время начато формирование танковых корпусов, в которых танковые соединения сочетаются с мотострелковыми. Скоро, по убеждению И. В. Сталина, должны были появиться и танковые армии.

Заканчивая этот краткий обзор, сделанный с большим знанием дела, Сталин добавил, что труженики тыла дали фронту сотни тысяч винтовок, карабинов и автоматов, тысячи боевых самолетов и танков, десятки тысяч орудий и минометов, десятки миллионов снарядов и мин, сотни миллионов патронов, что позволяет нам более полно обеспечивать войска, чем раньше.

Когда в общей беседе наступила короткая пауза, Сталин достал из кармана кителя листок бумаги, исписанный мелким почерком. Подняв руку с трубкой, чтобы привлечь к себе внимание, он сказал, пряча в усах улыбку, что огласит сейчас один весьма актуальный документ. Это было письмо запорожцев турецкому султану.

Каждая фраза злого, остроумного, пересыпанного солеными шутками послания вызывала громкий хохот присутствующих. Сталин тоже весело смеялся после прочтения тех мест, где сарказм запорожцев был особенно убийственным. Закончив чтение, он сказал, что Гитлер и его приспешники заслуживают еще большего презрения, ненависти и осмеяния, чем кровожадный турецкий султан и его сатрапы.

— Немецкие фашисты будут так же позорно биты, как турецкие мамлюки во времена Суворова, — закончил Сталин свой не совсем обычный экскурс в историю.

Вечер закончился, и у меня создалось впечатление, что он был организован не только для того, чтобы оказать внимание фронтовым военачальникам, но и с целью информировать их о ходе войны, о возросших возможностях нашей армии в связи с переходом экономики на военные рельсы.

Видимо, И. В. Сталин стремился еще более упрочить в каждом из нас веру в нашу конечную победу, показать, что наш враг достоин презрения и ненависти. Наверное, потому и прочел Верховный Главнокомандующий письмо запорожцев турецкому султану.

Нам вновь пришлось на следующий день приняться за разработку нового варианта замысла Харьковской наступательной операции в духе последних требований Ставки. Мне хорошо помнится, что 29 марта был воскресный день, с утра в столице стояла солнечная погода. В просторном кабинете Семена Константиновича, где мы собрались для выполнения полученного задания, было довольно светло и уютно.

Главком, член Военного совета и я в спокойной обстановке еще раз продумали все вопросы, связанные с определением цели и замысла операции, обсудили условия и сроки ее подготовки и проведения.

После довольно напряженной работы наконец родилось основное решение, которое и было отражено на карте.

Военный совет поручил мне к утру следующего дня оформить разработанное предложение для доклада Ставке. Вечером 30 марта оно в нашем присутствии было рассмотрено И. В. Сталиным с участием Б. М. Шапошникова и А. М. Василевского и получило одобрение. В документе, адресованном Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину, говорилось:

«В соответствии с Вашими личными указаниями нами разработан план действий войск Юго-Западного направления на апрель — май 1942 года.

1. Основная цель действий войск Юго-Западного направления в указанный период — овладеть г. Харьков, а затем произвести перегруппировку войск, ударом с северо-востока захватить Днепропетровск и Синельниково и лишить этим противника важнейшей переправы через р. Днепр и железнодорожного узла Синельниково.

На остальном протяжении фронта войска Юго-Западного направления должны прочно оборонять ныне занимаемые рубежи.

2. Для овладения районом Харьков, по нашим расчетам, необходимо иметь:

стрелковых дивизий — 27;
кавалерийских дивизий — 9;
стрелковых бригад — 1;
мотострелковых бригад — 3;
танковых бригад — 26;
артполков РГК — 25.

Всего: танков — 1200, полевых орудий — 1200–1300, самолетов — 620 (из них 30 — У-2)...

3. Основной замысел операции при наступлении на Харьков: нанося главный удар в обход Харькова с юга и юго-запада и вспомогательный — в обход города с севера, окружить и уничтожить харьковскую группировку противника, овладеть г. Харьков и выйти на рубеж Сажное, Томаровка, Грайворон, Екатериновка, ст. Водяная, Орчиновка-Чернеткина, Александровка, Криштоновка».

Оперативное обеспечение главного удара Юго-Западного фронта из барвенковского выступа на Харьков с юга по нашему предложению возлагалось на две армии правого крыла Южного фронта, которые должны были организовать прочную оборону на южном фланге барвенковского выступа.

Для выполнения указанных задач мы просили Ставку Верховного Главнокомандования выделить к 15 апреля в распоряжение Военного совета Юго-Западного направления: стрелковых дивизий — 10, танковых бригад — 26 и артиллерийских полков усиления — 10, а также пополнить войска Юго-Западного и Южного фронтов личным составом до 80% штатного состава, а вооружением, матчастью, артиллерией и танками — на 100% и выделить необходимое количество боеприпасов.

Прибытие к 15 апреля на Юго-Западное направление резервов Ставки, как мы полагали тогда, давало возможность начать Харьковскую операцию в конце апреля и этим намного упредить противника, чтобы застать его в стадии еще далеко не законченной подготовки к широким активным действиям.

Одобрив наше предложение, Ставка потребовала от Военного совета приступить к подготовке операции и завершила при этом, что все наши заявки будут полностью и своевременно удовлетворены.

Заседание подошло к концу. К этому времени в кабинет Сталина вошли члены Политбюро В. М. Молотов, А. И. Микоян, Г. М. Маленков. Маршал Шапошников и Василевский получили разрешение уехать в Генштаб. Их ждала там срочная работа. С. К. Тимошенко также попросил позволения уйти, так как его жена уезжала в один из восточных городов. Я хотел присоединиться к Тимошенко, но совершенно неожиданно для меня Сталин сказал:

— Товарищи Хрущев и Баграмян останутся поужинать с нами.

Нам предстояло подняться на лифте на верхний этаж, в квартиру Сталина, где был накрыт стол.

Не успели мы сесть за стол, как послышался сигнал воздушной тревоги — в воздухе появились вражеские самолеты.

Сталин сказал, что никуда не пойдет, но Молотов настойчиво, не терпящим возражения тоном напомнил, что есть решение Политбюро об обязательном соблюдении его членами элементарных требований безопасности. Пришлось спуститься вниз, в бомбоубежище.

Позже за столом обсуждались животрепещущие вопросы снабжения фронта всем необходимым. Каждый член Политбюро отвечал за какую-либо отрасль военной экономики, работавшую на Действующую армию. В этот поздний вечер, как, видимо, и всегда, они живо решали задачи производства отраслями промышленности вооружения, боевой техники, боеприпасов, горячо обсуждали между собой некоторые конкретные вопросы обеспече-

ния промышленности сырьем, топливом, квалифицированной рабочей силой. Сталин в случаях, когда разговор принимал слишком бурный характер, довольно быстро успокаивал разгорячившихся оппонентов. Особенно остро полемизировали Молотов и Маленков. Первый отвечал за производство танков, а второй за выпуск самолетов и авиационных моторов.

Вечер этот прошел очень интересно и прочно запечатлелся в моей памяти.

На следующее утро я зашел к Александру Михайловичу Василевскому. За несколько часов мы договорились о сроках поступления к нам обещанных резервов, вооружения, боевой техники, боеприпасов и людских пополнений. Затем мы оба побывали у маршала Шапошникова и доложили ему о проделанной нами работе. Борис Михайлович внимательно выслушал нас и без существенных изменений одобрил наши предложения.

С точки зрения стратегии и оперативного искусства намерение нашего Верховного Главнокомандования предпринять Харьковскую операцию в мае 1942 года было правомерным, поскольку оно основывалось на твердо установившемся тогда в Ставке мнении, что с началом летней кампании гитлеровское командование нанесет свой главный удар на московском направлении с целью овладения столицей нашей Родины, а против войск Юго-Западного направления одновременно предпримет вспомогательный удар ограниченными силами. Эта уверенность, как я уже отмечал, разделялась не только Генеральным штабом. Ставкой Верховного Главнокомандования, но и командующими большинства фронтов, в том числе и главнокомандованием Юго-Западного направления. Лично я тоже твердо придерживался этого мнения, которое оказалось ошибочным.

Таким образом, хотя основной целью действий войск Юго-Западного направления на апрель — май 1942 года ставилось овладение городом Харьковом, думаю, есть основания утверждать, что проведением Харьковской операции отвлекалось определенное количество сил фашистской Германии от московского направления и этим в известной мере оказывалось содействие нашим войскам в успешном отражении ожидавшегося главного удара противника на Москву.

По завершении работы в Москве главком, член Военного совета, а затем, несколькими днями позже, и я возвратились в Воронеж, где был расположен штаб Юго-Западного фронта.

<...>

Поняв, что информация закончена, я спросил, какая роль в Белорусской операции отводится мне.

— Об этом вы услышите, видимо, из уст самого Верховного, — уклончиво ответил Алексей Иннокентьевич. — К нему мы отправимся вечером вместе, захватив и Сергея Матвеевича Штеменко...

И. В. Сталин был в хорошем расположении духа, и беседа наша носила почти непринужденный характер. Осведомившись о том, познакомили ли меня с планами Ставки [262] на белорусском направлении. Верховный заговорил о весьма положительной для нас общей ситуации на советско-германском фронте. При этом он сразу же отметил, что есть направления, где дела обстоят неважно. К числу таковых он отнес 1-й Прибалтийский фронт, две армии которого после успеха под Невелем оказались в мешке с крайне узкой горловиной.

— По неясным для меня причинам, — продолжал Сталин, — войска Первого Прибалтийского не могут добиться перелома в обстановке и развития ранее достигнутого успеха в направлении Городка и Витебска. А там мы можем изолировать две оперативно-стратегические группировки врага — северную и центральную, открыть себе ворота в Прибалтику и создать выгодные условия для освобождения всей Белоруссии. В Ставке обсуждался вопрос о смене командующего Первым Прибалтийским фронтом. Принято решение назначить вас на этот ответственный пост. — Говоря это, Верховный внимательно и, кажется, доброжелательно смотрел на меня, а затем спросил: — Как вы к этому относитесь, товарищ Баграмян?

Я ответил, что считаю такое назначение большой честью для себя и приложу все силы, чтобы оправдать доверие партии.

Слегка кивнув, И. В. Сталин продолжал:

— Успешно проведенная вами операция в районе Орла и Брянска убеждает в том, что новый пост будет вам по плечу.

Я поблагодарил Верховного Главнокомандующего за столь высокую оценку боевых действий 11-й гвардейской армии.

— Мы решили передать одиннадцатую гвардейскую армию в состав войск Первого Прибалтийского фронта и возложить на вас задачу разгромить городокскую группировку войск противника и в последующем овладеть Витебском.

Я заверил И. В. Сталина, что приложу все свои силы для выполнения поставленной задачи.

— Но дело в том, что генерал Попов, — добавил я, — изъясил из одиннадцатой гвардейской первый танковый корпус генерала Буткова и восемнадцатую гвардейскую стрелковую дивизию генерала Завадовского.

— Что касается танкового корпуса, то я вас вполне понимаю, и мы поправим товарища Попова, — ответил Сталин, — а о дивизии не стоит и говорить. Ведь в ней сейчас наверняка не больше половины штатной численности...

Я все же продолжал просить Верховного Главнокомандующего вернуть 18-ю гвардейскую, подчеркнув, что она в составе армии сражается давно и что речь идет о заслуженной дивизии, на которую равнялись воины других соединений, а в заключение сказал, что мы быстро укомплектуем ее гвардейцами, возвращающимися из армейских госпиталей, и лучшими воинами из числа вновь призываемого контингента.

— Слышите, как дерется новый командующий фронтом за каждую дивизию и за гвардейские традиции! Это, по-моему, похвально, — сказал Сталин, обращаясь к присутствующим.

Тут же он приказал соединить его с М. М. Поповым и потребовал вернуть в 11-ю гвардейскую армию 1-й танковый корпус и 18-ю гвардейскую дивизию.

— Есть ли у вас пожелание, — обратился ко мне Сталин, — относительно кандидатуры на должность командарма одиннадцатой гвардейской? Мы здесь, в центре, подумали и пришли к выводу, что неплохо было бы на эту армию назначить опытного командующего — Героя Советского Союза генерал-полковника Чибисова. Как вы смотрите на это назначение?

Предложение кандидатуры Н. Е. Чибисова было для меня несколько неожиданным, и я не торопился с ответом, чтобы лучше его обдумать.

— Что же вы не отвечаете? — спросил Сталин. — Или имеете что-либо против Чибисова?

Собравшись с мыслями, я ответил, что если вопрос еще не решен окончательно, то я порекомендовал бы другую кандидатуру. Чибисов, безусловно, опытный командующий. Однако надо иметь в виду, что, когда он после финской кампании стал генерал-лейтенантом, я был всего-навсего полковником. Чибисов об этом, конечно, знает, и это в какой-то мере может усложнить наши взаимоотношения.

— А у вас есть кто-нибудь на примете? — спросил Сталин, не теряя благодушного тона.

— Я предлагаю генерала Галицкого, нынешнего командарма третьей ударной.

— А вы давно его знаете? — снова спросил Сталин.

— Нет, — ответил я, — видел всего несколько раз, присутствуя на его докладах генералу Попову, но он произвел на меня очень хорошее впечатление своей собранностью, твердостью, умением быстро вникать в боевую ситуацию, точно сориентироваться в ходе боевых событий. Вместе с тем этот генерал хорошо знаком с обстановкой в районе Невеля, так как именно его войска сыграли основную роль в овладении этим пунктом.

— Что же, — ответил Верховный Главнокомандующий, — ваши доводы заслуживают внимания.

Сказав это, Сталин о чем-то задумался, раскуривая трубку, а затем энергично нажал на кнопку звонка. Сейчас же в кабинет вошел Поскребышев.

— Подготовьте проект Постановления Совета Народных Комиссаров о присвоении товарищу Баграмяну звания генерала армии, — повернувшись к вошедшему, сказал Верховный и спросил: — Кто-то еще из командующих фронтами ходит в генерал-полковниках?

— Командующий Ленинградским фронтом Говоров, — не задумываясь, ответил А. Н. Поскребышев.

— Включите в проект Постановления и товарища Говорова, — распорядился Сталин и обернулся к Алексею Иннокентьевичу: — Как вы думаете, товарищ Антонов, присвоение звания генерал-полковника товарищу Штеменко поможет ему в работе?

Конечно, — ответил генерал Антонов.

Тогда, вновь обращаясь к Поскребышеву, Верховный сказал:

— Включите в проект Постановления товарищей Баграмяна, Говорова и Штеменко.

Спустя десять минут документ был подписан, и Сталин сердечно поздравил меня и С. М. Штеменко с новыми высокими воинскими званиями и моим назначением на пост командующего фронтом, пожелал успехов в проведении предстоящей операции.

<...>

Во время обсуждения предложений командующих Верховный был немногословен. Он больше слушал, изредка задавая короткие, точно сформулированные вопросы. У него была идеальная память на цифры, фамилии, названия населенных пунктов, меткие выражения. Сталин был предельно собран, на его лице отражалась

сосредоточенная строгость, взгляд чуть прищуренных глаз был всегда пристальным и несколько холодноватым.

Последним выступил К. К. Рокоссовский. Хорошо помню, что вопреки предложению Генерального штаба — нанести войсками фронта мощный удар только на одном участке прорыва — Константин Константинович весьма обоснованно решил создать две ударные группировки, которым надлежало прорвать оборону противника на двух участках, чтобы последующим наступлением в глубь обороны окружить и разгромить главную группировку противника. Это предложение командующего решительно поддержали Г. К. Жуков и А. М. Василевский, и оно было одобрено Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным.

Мне думается, что к генералу армии К. К. Рокоссовскому Верховный проявлял особую симпатию. С. К. Тимошенко рассказал мне как-то, что И. В. Сталин сравнивал Константина Константиновича с Ф. Э. Дзержинским. «Такой же, — говорил он, — честный, умный, добрый, человечный, только Феликс немного потверже и построже».

<...>

